

© 2006 г.

А. Д. Таиров

КОЧЕВНИКИ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА И ФОРМИРОВАНИЕ РАННЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО УРАЛА

Анализ материалов археологических памятников Южного Урала I тыс. до н.э. позволил в предварительной форме выделить несколько волн субширотных миграций «восток – запад»: рубеж VIII–VII вв. до н.э., конец VI в. до н.э., вторая половина V в. до н.э., начало III в. до н.э., середина II в. до н.э.¹ Эти миграции, начинавшиеся на крайнем востоке евразийских степей, в областях Северного и Северо-Западного Китая и Монголии, приводили к изменению этнокультурной ситуации в обширных регионах. Археологически они фиксируются значительными изменениями в погребальной обрядности и материальной культуре кочевого и полукочевого населения. Такие изменения, в частности, хорошо видны на территории Южного Урала в целом, в том числе и Южного Зауралья при переходе от древнепрохоровского (конец VI–V в. до н.э.) к раннепрохоровскому (вторая половина V–IV в. до н.э.) этапу прохоровской археологической культуры², или, по традиционной периодизации, при переходе от савроматской археологической культуры к раннесарматской (прохоровской).

Инновации в материальной культуре проявились прежде всего в появлении новых форм клинкового оружия – мечей и кинжалов со сломанным под тупым углом или дуговидным перекрестием («переходного» типа), с прямым перекрестием и наконечниками различной формы – коротким брусковидным, серповидным, прямым. В конце V–начале IV в. до н.э. появились и новые типы зеркал – большие дисковидные с широким валиком по краю, с широким валиком по краю и небольшой конической или полусферической выпуклинкой в центре, а в Южном Приуралье – и «музыкальные». В это же время происходят заметные изменения в ювелирном комплексе кочевников Южного

¹ Таиров А.Д. Миграции древнего населения евразийских степей в связи с динамикой природной среды // Почвы – национальное достояние России. Материалы IV съезда Докучаевского общества почвоведов. Новосибирск, 2004. Книга 1. С. 201.

² Он же. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья VII–II вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады V Международной конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 5, 6.

Приуралья³. Определенные изменения отмечаются также и в керамическом комплексе⁴.

Говоря об отличии прохоровского погребального обряда от предшествующего, М.Г. Мошкова подчеркивает, что он характеризуется «резким изменением соотношения типов могильных ям, а по существу – появлением некоторых новых форм, в частности подбойных могил и ям с заплечиками»⁵. В это же время увеличивается количество вводных погребений, господствующей становится ориентировка погребенных головой на юг, а в качестве напутственной пищи в могилу чаще всего стали помещать переднюю ногу с лопаткой или часть грудки барана. Происходят изменения в составе и распределении погребального инвентаря⁶.

Большинство современных исследователей считают, что прохоровская культура сложилась в результате взаимодействия традиций местной савроматской культуры и некоторых новых иноэтничных компонентов. Таковы взгляды М.Г. Мошковой⁷ и К.Ф. Смирнова. К.Ф. Смирнов предполагал, что эти иноэтничные компоненты – группы кочевников, пришедших с востока – из Зауралья, Казахстана и, может быть, даже Приуралья⁸.

Участие иноэтничных элементов в сложении прохоровской культуры первоначально допускал и Б.Ф. Железчиков⁹, который отмечал, что «наиболее уверенно можно говорить об участии в этом процессе отдельных групп населения лесостепного Зауралья раннего железного века и, предположительно, о группах кочевников Центрального Казахстана и Восточного Приуралья. По мнению Л.Т. Яблонского, «есть основание предполагать, что в сложении раннесарматской культуры Южного Приуралья также приняли участие группы автохтонного, приуральского населения, а также мигранты из Средней Азии и Казахстана»¹⁰.

³ Лылова Е.В. Ювелирные украшения из раннекочевнических погребений Южного Приуралья VI–IV вв. до н.э. // АПО. 2001. Вып. V. С. 135; она же. Ювелирные украшения ранних сарматов Южного Приуралья в IV в. до н.э. // XV Уральское археологическое соещение. Тез. докл. Международной науч. конф. Оренбург, 2001. С. 133–134.

⁴ Гуцалов С.Ю. Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII–I вв. до н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. С. 71, 145; он же. Кочевники Южного Урала в конце V–III вв. до н.э. // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана, 2003. С. 181.

⁵ Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. С. 17.

⁶ См., например, она же. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности. Научный доклад, представленный в качестве дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989. С. 30; Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975. С. 157, 159, 162; она же. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 17; Железчиков Б.Ф. Анализ сарматских погребальных памятников IV–III вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.). М., 1997. С. 80–84; Гуцалов. Культура ранних кочевников... С. 139–141.

⁷ Мошкова. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. С. 28, 43.

⁸ Смирнов. Сарматы на Илеке. С. 156, 162, 173; она же. Ранние кочевники Южного Урала // АЭБ. 1971. Т. IV. С. 71; она же. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 166; см. также она же. Сарматы и утверждение их политического господства... С. 17, 18, 39, 115.

⁹ Железчиков Б.Ф. Степи Восточной Евразии в VI–II вв. до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Тез. докл. конф. Азов, 1988. С. 60.

¹⁰ Яблонский Л.Т. Антропологические данные к этногенезу народов Поволжья (По материалам Поволжской экспедиции) // НАВ. 2002. Вып. 5. С. 26.

На наш взгляд, такие инновации, фиксируемые в погребальном обряде и инвентаре кочевников Южного Урала, связаны не только с дальнейшим развитием общества, но и с притоком нового населения с востока, с которым связано появление подбойных захоронений с южной ориентировкой погребенных. Отметим, что ни в Южном Зауралье, ни в Южном Приуралье погребений в подбоях, датированных концом VI – первой половиной V в. до н.э. практически нет¹¹. В поисках истоков подбойных погребений К.Ф. Смирнов обращался к материалам Северного и Центрального Казахстана, а также Семиречья и приводил данные об 11 подбойных погребениях VII–V вв. до н.э., которые позволили ему прийти к заключению о том, что кочевое население Казахстана оказало определенное воздействие в генезисе прохоровской культуры Приуралья, поскольку оно вошло в состав сарматов Илека¹². В настоящее время количество известных подбойных погребений значительно возросло, расширилась и география их распространения – от Южного Зауралья до Алтая. Однако большинство из них датируются VII–VI вв. до н.э., а немногочисленные подбойные погребения конца VI–V в. до н.э., как показала еще М.Г. Мошкова, отличаются от раннесарматских ориентировкой погребенных. Многочисленные же высказывания по поводу причин массового появления у кочевников Южного Урала раннесарматского времени подбойных и катакомбных могил могут быть сведены, по мнению М.Г. Мошковой, к двум основным утверждениям. Согласно одному, это явление должно быть связано с полной или частичной сменой населения, иногда – с заимствованием этого обряда. Согласно второму, развитие могил подбойных и катакомбных типов шло конвергентно, спонтанно и было связано главным образом с изменениями в религиозных воззрениях¹³. Практически одновременное появление на пространствах урало-казахстанских степей, в Южной Сибири и Волго-Уралье подбойных захоронений привело Л.Т. Яблонского к выводу о том, что «распространение подбойных захоронений на огромных пространствах степи имело взрывообразный характер»¹⁴. На наш взгляд, данное явление, и здесь мы полностью согласны с Б.И. Вайнберг, связано с притоком нового населения с востока¹⁵.

Территорией, где традиция совершения погребений в могильных ямах с подбоем и катакомбах сохранялась на протяжении всей первой половины I тыс. до н.э., является Северный и Северо-Западный Китай. Причем обычай захоронения в подбоях был одним из признаков особой культурной общности, существовавшей в этом регионе¹⁶. Анализируя распространение в Восточном Туркестане различных типов погребений, Б.А. Литвинский отметил, что ареал захоронений в подбоях совпадает с территорией обитания юечжей¹⁷. С юечжами связывают

¹¹ Гуцалов. Культура ранних кочевников... С. 120.

¹² Смирнов. Сарматы на Илеке. С. 158.

¹³ Мошкова. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. С. 42.

¹⁴ Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников). М., 1999. С. 50, 51.

¹⁵ Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н.э. М., 1999. С. 247–249. Правда, приток этого нового населения (юечжей) Б.И. Вайнберг датирует концом IV в. до н.э., с чем – в свете новых материалов – трудно согласиться.

¹⁶ См., например, Заднепровский Ю.А. Подбойные погребения Центральной Азии. К вопросу об этнической атрибуции памятников юечжей // II Кубанская археологическая конф. Тез. докл. Краснодар, 1993. С. 38; *он же*. Древние номады Центральной Азии // Археологические изыскания. № 40, СПб., 1997. С. 75, 77; Варенов А.В. Скифские памятники Алтая. Ордоса и происхождение сюннуской культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. Тез. научно-практической конф. С. 124–125.

¹⁷ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье – хозяйство, материальная культура. М., 1995. С. 259.

погребения в подбоях и другие исследователи¹⁸. Вероятно, именно с территории Северо-Западного Китая (Восточного Туркестана) пришло основное ядро переселенцев в урало-казахстанские степи и прежде всего на Южный Урал. Однако количество их было, очевидно, невелико. Представлены они были, скорее всего, богатыми и знатными родами, занявшими господствующее положение в ряде регионов степи – прежде всего на Южном Урале. Привнесенная ими традиция погребений в подбоях с южной ориентировкой покойников нашла на Южном Урале благодатную почву, тем более что выделение южного сектора как маркера высокого социального, прежде всего воинского и жреческого, статуса наблюдалось здесь и ранее¹⁹. Таким образом, подбойные захоронения с южной ориентировкой погребенных, являясь первоначально показателем принадлежности к определенному этносу, очень быстро стали своеобразным маркером высокого социального статуса среди воинского и жреческого сословий кочевого общества Южного Урала.

Мысль о возможной связи появления во второй половине V в. до н.э. подбойно-катакомбных погребений на Южном Урале с продвижением племен с Востока ранее высказал Р.Б. Исмагилов, рассматривая вопрос о ранних миграциях сарматов в восточноевропейские степи. По его мнению, появление в Причерноморье ранних сарматов (саев) относится к третьей четверти V в. до н.э. (к 40–30-м годам V в. до н.э.) и «связано с крупномасштабной миграцией очередной кочевой волны с востока, на этот раз из Семиречья (Юго-Восточный Казахстан и Северная Киргизия)». Эти кочевники принесли в Северное Причерноморье традицию подбойно-катакомбных захоронений. В ходе миграции часть кочевников осталась в Южном Приуралье – это и были, как полагает Р.Б. Исмагилов, «скифы, отделившиеся от царских»²⁰. Он считает, что сведения Геродота о миграции царских скифов из Семиречья на запад относятся не к начальному этапу скифской эпохи, а к третьей четверти V в. до н.э., т.е. к тому же времени, к которому относят теперь и начало формирования прохоровской культуры в Южном Приуралье и Западном Казахстане²¹. Продвижение в V в. до н.э. на Южный Урал населения из юго-восточных областей азиатской части степной Евразии отмечает и В.Ю. Зуев. По его мнению, это передвижение привело к сложению на Южном Урале самостоятельной «филипповской» культуры, не связанной с прохоровской²², с чем вряд ли можно согласиться. Мы считаем, что памятники

¹⁸ *Мандельштам А.М.* Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 140, 141; *Заднепровский.* Подбойные погребения... С. 38; *он же.* Древние номады Центральной Азии... С. 75, 89, 90, 101; *Вайнберг.* Этногеография Турана... С. 248, 249.

¹⁹ *Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г.* К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 141–159.

²⁰ *Исмагилов Р.Б.* Сая, скифы и Боспор (научный этюд на тему судьбы «классической» Скифии) // ПАВ. 1993. № 6. С. 62–64; *он же.* Скифская легенда и раннесарматские царства // Тез. докл. Международной конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 95-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова. Запорожье, 1994. С. 70.

²¹ *Исмагилов Р.Б.* Сарматское окно в Европу // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа, 1996. С. 43.

²² *Зуев В.Ю.* К истории сарматской паноплии. Мечи и кинжалы прохоровского типа // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. Материалы Международной конф. С. 148, 149; *он же.* Основные проблемы хронологии «раннесарматской» культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV Международной конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара, 2000. С. 93, 94.

второй половины V–IV в. до н.э. характеризуют раннепрохоровский этап единой прохоровской археологической культуры, существовавшей в Южном Зауралье с конца VI в. до н.э. по середину II в. до н.э.²³

Анализируя инновации в погребальном инвентаре ранних кочевников Южного Урала второй половины V–IV в. до н.э., нельзя не заметить, что аналогии большинству из них происходят с территории степи и лесостепи Обь-Иртышского междуречья и Верхнего Приобья. Эта близость ряда элементов погребальной обрядности и, особенно, материальной культуры послужила основой для представления о приходе в лесостепь и степь Обь-Иртышья, в Верхнее Приобье и Горный Алтай в V–начале III в. до н.э. небольших групп «савромато-сарматов» Южного Урала. На наш взгляд, эта близость является результатом движения на запад во второй половине V–IV в. до н.э. различных групп родственных племен, живших до этого в пределах Северного и Северо-Западного Китая, скорее всего Восточного Туркестана²⁴. Первое, по всей видимости, наиболее массовое переселение осуществлялось, очевидно, несколькими последовательными волнами, но на протяжении достаточно короткого промежутка времени, в пределах, скорее всего, третьей четверти V в. до н.э. В дальнейшем на протяжении IV века до н.э. эти миграции уже имели менее массовый характер. На запад, главным образом на Южный Урал, уходили небольшие родовые подразделения, которые вливались в среду родственных племен.

Первый этап этого движения в третьей четверти V в. до н.э. проходил, вероятно, почти по тому же сценарию, что и миграция конца VI в. до н.э. Основная масса кочевого населения шла через Семиречье на Южный Урал, вливаясь по ходу своего движения в среду местных кочевых племен (свидетельством чего является курган Иссык). Небольшая же часть переселенцев из Восточного Туркестана откололась от основного массива и передвинулась на север – в степь и лесостепь Обь-Иртышья²⁵. Возможно, что, в отличие от предыдущего переселения, какая-то часть кочевников Восточного Туркестана вошла в состав кочевников Северного Казахстана, привнеся туда «сарматские» элементы в погребальной обрядности и инвентаре. На Южный Урал и в Верхнее Приобье переселенцы принесли близкие формы инвентаря, включая оружие (мечи и кинжалы «переходных» и «раннесарматских» форм), украшения, зеркала различных типов, некоторые образцы звериного стиля и т.п.

На Южном Урале пришельцы органически слились с местным населением, заняв, вероятно, ведущие позиции в общественной жизни. Привнесенные же ими инновации как в погребальном обряде, так и в инвентаре продолжали развиваться на протяжении всего раннесарматского времени. Процесс этот стимулировался притоком в течение IV–III вв. до н.э. новых немногочисленных групп кочевников Восточного Туркестана, принесших, в частности, обряд захоронения в катакомбах, где погребальная камера является продолжением входной ямы. Приход в Южное Зауралье немногочисленных, но достаточно богатых и знатных кочевых родов из Восточного Туркестана имел своим следствием и за-

²³ Тауров. Периодизация памятников... С. 5, 6.

²⁴ Тауров А.Д. К вопросу о савромато-сарматских миграциях в лесостепное и степное Обь-Иртышье // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 50–54.

²⁵ Боталов С.Г. Хунны и гунны // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1(13). С. 106; он же. Урало-казахстанские степи в гунно-сарматское и раннетюркское время (II–VIII века н.э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2003. С. 30.

рождение традиции центрически-круговой планировки погребений под курганной насыпью, получившей свое развитие позднее и уже на другой территории²⁶.

Чем конкретно было вызвано движение кочевников Восточного Туркестана на запад, сказать в настоящее время достаточно сложно. В основе его могли лежать как климатические изменения в регионе, так и события политической истории на северных и северо-западных границах Китая.

Природные условия и геополитическое положение на крайнем востоке евразийских степей – в Центральной Азии (северные и северо-западные районы современного Китая и Монголия) – в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. были таковы, что любое более или менее значительное ухудшение природных условий или политической ситуации в этой области вынуждало кочевников, желавших сохранить свой привычный образ жизни и свою политическую или этническую самостоятельность, двигаться на запад. Это движение, начавшись в каком-либо регионе Центральной Азии, если оно по тем или иным причинам не затухало в скором времени, неизбежно приводило не только к перегруппировке населения, но и оттоку части его (чаще всего кочевников Восточного Туркестана) за пределы области. Из Восточного Туркестана долина Черного Иртыша и Джунгарская впадина открывали путь в урало-казахстанские степи. Далее процесс миграции приобретал или форму переселения более или менее значительных масс людей в регионы, находившиеся на значительном удалении от Восточного Туркестана, или последовательных региональных миграций, приводивших к подвижке всего массива кочевников евразийских степей с востока на запад. Проходили же эти глобальные миграции двумя основными путями: северным (через степи Центрального Казахстана) и южным (через Семиречье и Среднюю Сырдарью). Направление пути определялось сложившимися на данный момент природно-климатическими условиями в Центральном Казахстане и соотношением сил в казахстанско-среднеазиатском регионе. Но в любом случае выводили они в южноуральские степи. Данное обстоятельство, на наш взгляд, и обуславливает роль этого региона в вопросах изучения историко-культурных трансформаций в степной и лесостепной Евразии, вызванных миграциями.

По данным В.В. Клименко, самое сильное похолодание за последние 5000 лет имело место в середине I тыс. до н.э. (650–280 гг. до н.э.). В первой половине V в. до н.э. фиксировались наиболее низкие температуры за период с середины I тыс. до н.э. до середины VII в. н.э. В этот период наиболее крупное потепление приходится на время конца V – середины IV в. до н.э., которое на рубеже V–IV вв. до н.э. прерывается коротким, но интенсивным похолоданием. В IV в. до н.э. и на рубеже II–III вв. н.э. фиксировались наиболее высокие температуры за период с середины I тыс. до н.э. до середины VII в. н.э.²⁷ По новым, уточненным данным, похолодание ранней субатлантической эпохи характеризуется как асимметричный двойной холодный эпизод, в котором два этапа похолодания были разделены кратковременным потеплением примерно между 450 и 380 гг. до н.э.²⁸

²⁶ Таиров А.Д. О трансформации погребальной обрядности в раннепрохоровское время // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы II региональной научно-практической конф. Челябинск, 2004. С. 126–129.

²⁷ Клименко В.В. Климат и история в эпоху первых высоких культур (3500–500 гг. до н.э.) // Восток. 1998. № 4. Рис. 1; *он же*. Климат и история от Конфуция до Мухаммада // Восток. 2000. № 1. С. 9–24. Рис. 1; Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э. // Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003. С. 8. Рис. 1.

²⁸ Клименко В.В., Климанов В.А. Холодный климат ранней субатлантической эпохи в Северном полушарии // Доклады РАН. 2003. Т. 391. № 3. С. 393.

Судя по данным В.В. Клименко и В.А. Климанова, в Северном и Северо-Западном Китае и прилегающих районах Монголии в период похолодания температуры года, зимы и лета были ниже современных в среднем на 0,5°C. Осадков же на всей территории выпадало больше современной нормы. Количество их увеличивалось с севера на юг – до величины в 50 мм/год на юге Ордоса²⁹. Таким образом, климат в Северном и Северо-Западном Китае и Южной Монголии в VII–первой половине V в. до н.э. можно охарактеризовать как более прохладный и влажный, чем современный. Такие климатические условия способствовали развитию скотоводческого хозяйства, расцвету скотоводческих культур. Резкое же глобальное потепление в середине V в. до н.э. не могло не отразиться на природных условиях региона, а следовательно, и на хозяйстве кочевников.

Достаточно сложной была и политическая обстановка. В конце периода Чуньцю³⁰ происходит усиление некоторых кочевых племен западных жунов, обитавших в бассейне реки Вэйхэ и далее к западу, что приводит к созданию ряда протогосударственных образований. Самым крупным среди них было в то время «царство» Ицюй. Известно, что в 470 г. до н.э. Ицюй присылает дань цинскому гунну, а через 20 с лишним лет Цинь нападает на Ицюй и захватывает в плен его правителя. В 430 г. до н.э. Ицюй предпринимает крупный поход против Цинь. Борьба Цинь и Ицюй с переменным успехом продолжается и в дальнейшем – до середины IV в. до н.э. Усиление в середине этого столетия военной мощи Цинь и «внутренние смуты» в Инцюе (331 г. до н.э.) привели к тому, что в 327 г. до н.э. Инцюй признал себя вассалом Цинь. После этого Цинь перешло к последовательным действиям, направленным на захват земель Инцюя. В 314 г. до н.э. поход циньцев закончился присоединением 25 «городов» к царству Цинь. В 272 г. до н.э. правитель Ицюя был заманен в циньскую столицу и там убит. На территории его царства были основаны циньские округа³¹.

В середине V в. до н.э. основатель китайского царства Чжао Сян-цзы (умер в 425 г. до н.э.) присоединил к своему государству не только земли области Дай на территории современного уезда Вэй провинции Хэбэй, а также на прилегающих землях северо-восточной части провинции Шаньси, но и некоторые более западные территории, населенные кочевниками. Закрепляя за собой вновь приобретенные земли, Сян-цзы возводит там пограничную стену³². С конца IV в. до н.э. в сфере влияния Чжао оказались и *лоуфани*, известия о которых впервые появляются в IV в. до н.э. Судя по данным, относящимся к периоду Чжаньго, *лоуфани* – это кочевые племена, центром расселения которых были северные районы провинции Шаньси и прилегающие области Ордоса. В предшествующее время конца IV в. до н.э. *лоуфани* жили восточнее – близ западных границ царства Янь, где они неоднократно подвергались нападениям сюнну и ху (например, между 314 и 312 гг. до н.э.). Затем *лоуфани* упоминаются к северу от царства Чжао. На рубеже IV–III вв. до н.э. *лоуфани* вместе с племенами *линьху* были разгромлены «на севере» чжаоским правителем Улин-ваном. В дальнейшем *линьху* упоминаются на северных границах Чжао, а *лоуфани* только к западу от него. После этого разгрома *лоуфани* утратили не только контроль над торговы-

²⁹ Там же. Рис. 1, 2.

³⁰ Период Чуньцю – 770–475 гг. до н.э.

³¹ Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978. С. 177, 178.

³² О расположении стены см. Ковалев А.А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ–Чита, 2002. Рис. 1.

ми путями, но и пастбища на севере Шаньси. На захваченных землях были организованы три новых округа царства Чжао, в результате чего «территория царства увеличилась по меньшей мере вдвое». Для защиты вновь приобретенных и осваиваемых земель была возведена пограничная стена. Как отмечает К.В. Васильев, судя по письменным источникам аннексия принадлежавших кочевникам областей часто сопровождалась полным вытеснением или уничтожением кочевого населения³³.

Насколько коррелируют между собой климатические трансформации в регионе к северу и северо-западу от «Сражающихся царств» и исторические события на их границах определить в настоящее время трудно. Но, на наш взгляд, именно они вызывали изменения в соотношении сил среди кочевых объединений, перегруппировки и перемещения кочевников внутри региона начиная со второй половины V в. до н.э. и на протяжении всего IV века до нашей эры. Следствием этих же событий явился и отток части кочевого населения Восточного Туркестана за пределы Центральной Азии.

О том, что такой отток имел место уже в V в. до н.э., свидетельствуют материалы региона, далекого от степей Южного Урала, – долины озера Дали и бассейна впадающих в него рек, расположенной к югу от Янцзы в ее верхнем течении, на территории современной китайской провинции Юньнань. Этот район, как и зоны, расположенные непосредственно к северу от него, удобен для скотоводства. В V в. до н.э. здесь в культуре Диена в результате кратковременного, но сильного влияния извне, формируется «всаднический комплекс», который всеми своими аналогиями связан с северными степными районами. Для этого комплекса, или «культуры всадников-меченосцев», характерны изображения мужчин – конных воинов, тяжеловооруженных, с доспехами и щитами, с большими усами и естественной или накладной бородой, в длинных, сравнительно узких штанах. Комплекс вооружения представлен длинными мечами, тяжелыми копьями, чеканами, похожими на тагарские. Северными элементами в культуре Диена, кроме тех, что связаны с конем, следует также считать «звериный стиль», поясные пряжки, пятипестковые бляшки, бляшки с изображением тигра, северные виды скота и явно не монголоидный тип лица. Аналогии всему этому «можно отыскать лишь в степях на северо-западе и севере (до Ордоса как восточной точки)». По мнению Д.В. Деоника, «в своих походах на юг тибето-бирманоязычные *цзяны*, смешавшиеся с представителями какой-то группы центральноазиатских или южносибирских народов (юэчжи или кого-либо еще)... достигли правобережья верхней Янцзы и покорили земледельческое прототайское и древнемонкхмерское население. Возникла устойчивая культура, обслуживающая общество, где представители указанной группы заняли господствующее положение»³⁴.

На Южном Урале наступление новой эпохи также ознаменовалось распространением длинных мечей и копий. Концом V в. до н.э. датируются наиболее ранние экземпляры длинных железных мечей. К концу V–IV в. до н.э. относит-

³³ Васильев К.В. Планы Сражающихся царств (Исследование и переводы). М., 1968. С. 190, 191, 211; Ковалев А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 77, 82; он же. О происхождении хунну... С. 105–108, 113.

³⁴ Деоник Д.В. Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант «звериного стиля» // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979. С. 62–67.

ся абсолютное большинство наконечников копий раннего железного века, найденных на Южном Урале³⁵. В это же время в искусстве южноуральских кочевников появляются изображения вооруженных всадников (оковка закраины деревянного сосуда из кургана 1 и костяная скульптурка из погребения 1 кургана 3 могильника Филипповка)³⁶. Вероятно, тогда же образ конного воина входит в искусство кочевников Семиречья, о чем свидетельствует скульптурное изображение вооруженного всадника в сцене охоты на бронзовой курильнице из окрестностей Алматы³⁷. Курильницы, или светильники, этого типа традиционно датируются V–III или IV–III вв. до н.э.³⁸

NOMADS OF EASTERN TURKESTAN AND THE DEVELOPMENT OF EARLY SARMATIAN CULTURE OF THE SOUTHERN URALS

A. D. Tairov

It the second half of the 5th c. BC, during the transition from Sauroatian to Early Sarmatian (Prokhorovka) archaeological culture, some important changes in burial rite and inventory took place in the Southern Urals. They were connected not only with further development of the society and its inner transformation, but also with an influx of newcomers. Shaft-chamber tombs with south-oriented corpses may be connected with this new population.

The territory where the tradition of interment in shaft-chamber tombs and catacombs was observed in the half of the 1st mill. BC was Northern and North-Eastern China, the tradition of shaft-and-chamber tombs being one of indications of the cultural entity that existed in this region.

One may suppose that it was from North-Eastern China (Eastern Turkestan) that the core of the newcomers migrated to the steppes of Kazakhstan Urals, and first of all to the Southern Urals.

The first mass migration, as it seems, consisted of several consequent waves that took place during a short period of time, most probably in the third quarter of the 5th c. BC. In the 4th century migrations were not so large-scale. At that time, only small tribal units moved to the West, mainly to the Southern Urals and mixed with kindred tribes.

It is difficult to account for the reasons that caused the nomads of Eastern Turkestan to move to the West. These reasons could be connected either with climatic shift in the region or with political developments on the northern and north-western borders of China.

³⁵ Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. Уфа, 2001. С. 55.

³⁶ Пиеничнюк А.Х. Олени Филипповки // Золотые олени Евразии. СПб., 2002. С. 24, 29.

³⁷ Тасмагамбетов И. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. Алматы, 2003. С. 28–31.

³⁸ См., например, Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 1952. № 26. С. 49; Аганов П., Кадырбаев М. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 100, 101; Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Каталог выставки. Л., 1983. С. 25, 26; История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). Т. 1. Алма-Ата, 1977. С. 274.